

С.В. ЯРЦЕВ, Е.В. ШУШУНОВА, А.А. ВНУКОВ
S.V. YARTSEV, E.V. SHUSHUNOVA, A.A. VNUKOV

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТА ВСАДНИКА НА БОСПОРЕ¹

ETHNOCULTURAL AND SOCIAL ASPECTS OF THE CULT OF THE HORSEMAN ON THE BOSPORUS

Городище Белинское в Восточном Крыму II – V вв. является крупнейшим памятником полевой фортификации Боспорского царства. Городище находится вблизи северного участка Узунарского вала, на скальной платообразной поверхности Аджиэльской балки, господствующей над местностью [Зубарев, Ярцев, Смекалов, 2016, с. 65-71]. В непосредственной близости от данной крепости, на противоположном склоне Аджиэльского урочища, располагается некрополь того же времени.

Помимо различного типа погребальных сооружений, особый интерес вызывают выявленные здесь в ходе раскопок конские жертвоприношения, совершенные среди могил. Два из них (к северо-востоку от участка с детскими захоронениями) оказались сильно разрушенными. Однако третье захоронение животного сохранилось почти полностью. Оно располагалось вблизи боспорского склепа №10 с нишей-лежанкой и поэтому должно рассматриваться как единый комплекс с погребением в склепе [Зубарев, 2019, с. 283-284]. Склеп являлся семейной усыпальницей, в нем были выявлены останки 6 человек, включая кости одной женщины и двух детей. Усыпальница была разграблена, однако, судя по клинковому оружию, кто-то из мужчин, погребенных здесь, мог находиться на военной службе [Зубарев, 2019, с. 283]. Наличие букrania на стене, а также концентрация вблизи склепа №10 других, менее значимых погребений, косвенно указывают на высокий статус одного из погребенных и его доминирующее положение среди жителей и в общественной иерархии городища Белинского [Зубарев, 2019, с. 285]. Анализ погребального инвентаря, включая захоронения лошади, позволяет утверждать, что все погребения в склепе могут быть датированы концом II – серединой III в. н.э. [Зубарев, 2019, с. 284] Сейчас, конечно, невозможно точно определить, к какому конкретно захоронению относилось жертвоприношение коня, но вероятней, что это был мужчина-воин. Судя по скелету животного, последнее было размещено в анатомически верной последовательности в специально вырытой для этого могильной яме [Зубарев, 2019, с. 284]. При этом обращает на себя внимание то, что динамичная поза костяка животного, как верно подметил Н.И. Винокуров, была предана лошади специально. Животное как бы

¹Работа выполнена в рамках гранта РФФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

«двигалось» в сторону страны мертвых или в сторону возрождения. Сильно подогнанные под туловище ноги, немного приподнятая шея создавали впечатление полета, прыжка. Не вызывает сомнений, что именно так передается движение лошадей в изображениях так называемого «звериного стиля» [Винокуров, 2014, с.215]. Хорошо известно, что конь в погребальном обряде выполнял важную функцию средства доставки в загробный мир, а всаднический образ был связан с героизацией умершего [Ханутина, 2011, с. 221]. Тем не менее расположение погребенного животного именно в такой позе может иметь еще и другие причины, о которых мы хотим поговорить подробнее.

Известно, что в целом для некрополей античных городов захоронения лошадей не характерны, но на Боспоре они встречаются [Масленников, 1990, с. 38-39. Он же, 1997, с. 22 – 25]. Такой обычай погребения коня рядом с умершим хозяином определенно связан со сложным явлением почитания всадника и поэтому должен рассматриваться в рамках целого комплекса подобных религиозных представлений. Судя по находкам терракотовых статуэток, изображающих лошадей, на Белинском городище действительно существовал культ всадника [Зубарев, Ярцев, Смекалов, с. 93]. Однако заметим, что из таких фигурок, хорошо известных на Боспоре [Кобылина, 1974, с. 48; Кругликова, 1970а, с. 100 – 110], помимо стоящего и идущего шагом конника, отдельно выделяют тип так называемого галопирующего всадника [Диатроптов, 2001, 89; Винокуров, 2002, с. 70]. По времени появления он датируется в основном римским временем (II в. до н.э. – рубеж II-III в. н.э.), то есть периодом более поздним, чем другие типы указанных фигурок [Денисова, 1981, с. 62 – 65; Диатроптов, 2001, с. 88 – 89]. Несмотря на то, что изображение скачущего всадника не чуждо и древнегреческому искусству [Davidson, 1942, p. 110 – 113; Broneer, 1942, p. 145], было высказано мнение, что подобные варианты боспорского искусства изображают какого-то конкретного бога, имеющего греческие истоки или даже происходящего из сармато-иранского круга [Кругликова, 1970б, с. 8-9; Крыкин, 1993, с.202, 212, 224-225; Диатроптов, 2001, с. 89; Винокуров, 2002, с. 76-77]. Наличие в подобной композиции образа собаки, да еще и с выделенным ошейником, действительно может указывать на культ ловчего бога. Однако, по справедливому мнению Н.И. Винокурова, данный охотничий сюжет, скорее всего, дублирует каноническое изображение скифо-сарматского мира, известное в местной боспорской среде [Винокуров, 2002, с.73]. Причины же подъема его популярности именно в римский период, похоже, были в чем-то другом.

Безусловно, активное взаимодействие боспорян с сарматскими племенами в данное время, а также освоение боспорской конницей сарматской тактики ведения боевых действий сыграли свою роль в развитии культа всадника на Боспоре [Блаватский, 1949, с. 96 – 99]. Это вроде как подтверждает сарматский облик некоторых таких фигурок [Диатроптов, 2001, с. 89; Винокуров, 2002, с. 73]. Вполне возможно, что в это время подобные статуэтки стали использоваться даже с воспитательными целями для формирования патриотических чувств у будущих защитников

государства [Бейлин, Бейлина, 2009, с. 275-276]. Тем не менее очевидно и то, что у тех народов, у которых представители аристократии являются всадниками, на первое место в религиозных представлениях выходят боги-всадники [Штаерман, 1961, с.248-249, 254-256, 258]. Именно на Боспоре в римское время мы как раз и видим такую картину. Военная аристократия боспорских царей Рескупорида I, Савромата I, Котиса II, Евпатора, Савромата II, Рескупорида II демонстрирует сословный характер с ярко выраженными чертами всадников [Диатроптов, 2001, с. 91-92]. В этой связи Ю.А. Виноградов и В.А. Горончаровский действительно отмечают усиление влияния сарматов на военное дело Боспора и возрастание значения конницы в составе боспорской армии в указанное время [Виноградов, Горончаровский, 2009, с.119 – 121, 161 – 174]. Заметим, что тогда же происходит ослабление древней иранской традиции, ассоциирующей фарн с образом барана, в пользу коня, который также считался воплощением жизненной силы и божественной благодати [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, с. 331-332]. Видимо, не случайно авестийский гений войны и победы Вэрэтрагна, имеющий ярко выраженный зооморфный характер, нередко принимал образ не только верблюда или барана, но и белого коня [Литвинский, 1968, с.85-86]. Данное обстоятельство могло способствовать тому, что дальнейшее развитие изображения всадника на Боспоре в указанное время стало определяться не только желанием родственников поддержать высокий статус своего умершего сородича и обеспечить его средством передвижения в потустороннем мире.

С одной стороны, все это действительно свидетельствует, что в указанное время в значительной степени возросла роль местной боспорской и варварской аристократии, составлявшей основу кавалерии [Бейлин, Бейлина, 2009, с. 275]. Однако, с другой стороны, не исключено, что такие статуэтки производились в том числе и для погребального обряда [Кобылина, 1970, 6-23; Винокуров, 2002, с. 72]. По осторожному предположению Н.И. Винокурова, подобные фигурки всадника могли являться мистическим звеном, соединяющим живой и загробный миры, тем самым способствуя возрождению и героизации умерших, особенно преждевременно ушедших младенцев [Винокуров, 2002, с. 73-74]. Сложно не согласиться с такой точкой зрения, ведь на Боспоре в первых веках нашей эры действительно наблюдаются серьезные изменения в религиозной сфере в сторону увеличения обрядов, связанных с процессом героизации умерших родственников в виде всадников. В первую очередь, это подтверждает широкое распространение в данное время, скорее всего, через города Малой Азии надгробий с рельефами всадников, большая часть которых датируется I-II вв. н.э. [Масленников, 1990, с. 135 – 139; Диатроптов, 2001, с. 92].

В этой связи очевидно, что изображения всадников на таких надгробных памятниках непосредственно связаны с процессом героизации, когда умерших с целью обеспечения лучшей участи в потустороннем мире начинают почитать в качестве героев (потомков богов и смертных), тем самым обожествляя их. В этом случае в облике всадника необходимо видеть собственно героизированного умершего или какое-либо божество потустороннего мира [Диатроптов, 2001, с. 58, 62, 86; Давыдова,

2018, с. 349]. Обширная историография подобных памятников включает в себя, помимо подробной классификации [Griechische Grabreliefs aus Südrussland, 1909, s.98 – 123] и некоторых сопутствующих вопросов [Матковская, 1983, с. 114 – 136], в основном проблемы происхождения и идеологической составляющей данных изображений. А.А. Масленников, например, видит в подобных рельефах влияние «фракийского всадника», правда, с учетом развития «сюжетной» линии самого боспорского искусства [Масленников, 1990, с. 136-137]. Другой сюжет, с образами обращенных друг к другу всадников, иногда связывают с влиянием культа парных конных божеств – Диоскуров [Голубцова, 1977, с. 11,30; Масленников, 1990, с. 137-138; Диатроптов, 2001, с. 88]. Особое внимание уделяется изображениям, на которых рядом с конной фигурой представлена сидящая на троне женщина, а также нередко сцена «загробной трапезы». Иногда здесь видят влияние греко-римской традиции, иногда отражение местных религиозных представлений [Иванова, 1951, с. 27; Король, 2005, с. 334]. Однако женщина на троне, как важная часть всаднического сюжета, скорее всего, является богиней или героизированной умершей [Шауб, 2020, с. 37]. Следовательно, изображение всадника, подъезжающего к такой богине, необходимо для приобщения умершего к божеству [Носова, 2013, с. 572]. В целом это соответствует известному изображению пантикапейского склепа I в. н.э. («склепа Анфестерия»), где сидящая на троне богиня причащает всадника неким напитком [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, с. 329 – 331]. Любопытно, но иконография подобного сюжета, связанная с мотивом «священного брака», сохранялась у индоиранцев не менее полутора тысяч лет [Раевский, 1977, с. 94 – 109; Яценко, 1995, с. 188 – 191].

Однако огромный интерес вызывает то обстоятельство, что среди многообразия сюжетов боспорских надгробий, связанных с культом всадника, опять же, как и в случае с терракотовыми статуэтками, встречается тип скачущего всадника. Правда, такие надгробия единичны [Диатроптов, 2001, с. 87]. При этом, несмотря на то, что подобный сюжет галопирующего всадника появляется на рельефах и терракотах еще в конце II – середине I в. до н.э., наибольшее распространение он получает в I – на рубеже II-III вв. н.э. [Масленников, 1990, с. 136; Диатроптов, 2001, с. 89; Кузьмина, 2011, с. 156]. Обычно данный тип изображения на надгробиях связывают с богом-всадником Митрой или объясняют влиянием греко-фракийской традиции [Blawatsky, Kochelenko, 1966; Масленников, 1990, с. 136; Диатроптов, 2001, с. 89]. Есть даже мнение о появлении боспорского скачущего всадника по причине повышения тревожности боспорского населения во II в. н.э. [Бритова, 1948, с. 55].

С одной стороны, действительно изредка встречающееся изображение собаки под ногами коня [Масленников, 1990, с. 136] свидетельствует, что перед нами всадник-охотник, в образе которого обычно и изображали фракийское божество [Диатроптов, 2001, с. 89-90]. Однако, с другой стороны, полностью отождествить скачущего боспорского конника с фракийским всадником вряд ли будет возможным. По мнению А.А. Масленникова, боспорские рельефы принципиально представляют не бога, а реальных героизированных умерших. Поэтому от лишнего

жизненных черт фракийского всадника боспорский в достаточной степени отличается своей индивидуальностью и реалистичностью в характерных этнографических деталях [Масленников, 1990, с. 136]. Немаловажным, хотя и на примере статичного всадника, представляется подмеченная ученым тяга к портретизации указанных надгробий [Масленников, 1990, с. 137]. Действительно, многие подобные рельефы настолько реалистичны, что являются одним из важнейших источников по изучению и реконструкции оружия и конского снаряжения боспорского воина – катафрактария [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 161 – 174, 177 – 206; Антипенко, 2018, с. 18 – 23]. Не случайно наличие связи данных изображений с реальными личностями иногда даже используется с целью уточнения подробностей жизни таких людей (например, благодаря анализу одного такого рельефа стал известен род деятельности боспорского ополченца – ученого, проходившего службу в качестве конного воина) [КБН 145; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 158-159]. Но если боспорские рельефы, изображающие всадников, по большей части являлись отражением реальной жизни боспорской армии того времени, не мог ли тогда статус воина после его смерти влиять на выбор сюжетного типа надгробия? Конечно, необходимо учитывать, что надгробные рельефы изображали воинов не в походно-бытовой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем без полного набора ратных доспехов [Гайдукевич, 1949, с. 385], Тем не менее еще раз отметим, что на данных надгробиях изображены реальные люди, положение которых в структуре боспорской армии, а фактически в военной аристократии боспорского общества, на указанных рельефах просто не могло быть не отражено.

Возможно, именно род войск и армейская должность играли главную роль в выборе того или иного сюжетного и иконографического типа для надгробия после смерти боспорского воина. Если в реальной жизни для тяжелой и легкой кавалерии было характерно как статическое, так и динамическое состояние, то очевидно, что для героизации умершего всадника можно было использовать любой из этих иконографических образов. Тем не менее в ходе погребения всадников-катафрактариев, как и других статусных представителей аристократии боспорской армии [КБН, 332; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 167], в основном использовался иконографический тип спокойно стоящей или находящейся на марше лошади [Десятчиков, 1972, с. 68 – 77; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 161 – 174]. Тем не менее в некоторых случаях принципиально изображалась атака всадников-катафрактариев, то есть динамика конного сражения. Здесь можно отметить ряд росписей боспорских склепов, где, возможно, были захоронены крупные военачальники [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 211 – 216], а также известный из Танаиса посвященный рельеф II в. н.э. Трифона, сына Андромена [Ростовцев, 1913, табл. LXXXIV, 3]. При этом если рельеф и отличался от надгробий своим предназначением, то указанные росписи склепов явно были связаны с процессом героизации умерших. Если же говорить о надгробиях, на ряде которых действительно изображена скачущая или поднятая на дыбы лошадь с всадником, замахвающимся на поверженного вра-

га дротиком [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 188], то была замечена связь данного сюжета с изображениями царей с поднятой для приветствия правой рукой на соответствующих боспорских монетах. Возможно, что данная традиция действительно восходит к портретным скульптурам римских императоров I-II вв. н.э. [Блаватский, 1964, с. 186] с учетом малоазийского влияния и собственного развития боспорского искусства [Масленников, 1990, с. 136-137]. Другими словами, использование именно такой иконографии при героизации, скорее всего, могло происходить в случае принадлежности умершего к правящей династии, включая ближайших родственников царя.

В этой связи не совсем понятным выглядит использование на надгробиях схемы скачущего на лошади воина в развевающемся плаще и с поднятой рукой, напоминающего образ фракийского всадника. При этом общее количество таких рельефов занимает всего около 5% от всех прочих изображений всадников [Масленников, 1990, с. 136]. Обращение именно к такому образу всадника-охотника, по нашему мнению, вполне могло быть в случае принадлежности умершего к особому подразделению боспорской армии, в котором активно использовали лошадей. Не исключено, что речь идет о службе военно-полевых курьеров, организованной в римской армии на регулярной основе еще Августом. Большая скорость доставки сообщений достигалась в такой службе за счет смены курьеров и лошадей [Данилов, 2009, с. 140]. Заметим, что лошади в этом случае должны отличаться именно быстротой (Amm. Marc., XXVIII, 6,8). Известно, что в Крыму функционировала такая служба. Она была организована римлянами [Ковалевская, Сарновски, 2002, с. 91]. Тем важнее представляется то обстоятельство, что на Белинском городище в ходе раскопок системы фортификации на участке западной башни было обнаружено помещение с фрагментами костей лошади, корытом или поилкой и вылазной калиткой, предназначенной в первую очередь для флангового удара по нападающим на башню с внешней стороны. Но это же помещение с калиткой, судя по выявленному материалу, могло быть использовано для оперативной связи между отдельными боспорскими подразделениями или даже с самой столицей. Поэтому не исключено, что на Боспоре также была организована военно-полевая курьерская служба по образцу римской. Именно спецификой деятельности данной службы могло быть обусловлено жертвоприношение лошадей в характерной динамической позе при погребении некоторых воинов на некрополе. Если это так, то в основе местной переработки иконографии фракийского всадника, а также других всаднических образов, сюжеты которых в конечном итоге использовались на надгробиях с целью героизации умерших, лежали статус и особенности службы в боспорской армии конкретного воина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипенко А. В.* Снаряжение верховного коня по материалам боспорских надгробных памятников // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации / Под. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. С. 18 – 23.
- Бейлин Д. В., Бейлина С. А.* Образ всадника в коропластике Боспора во II – III вв. н.э. // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 270 – 276.
- Блаватский В. Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 96 – 99.
- Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.
- Бритова Н. Н.* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1948. № 22. С. 53 – 56.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 350 с.
- Винокуров Н. И.* Животные в погребальной практике населения городища Артезиан // Погребальная культура Боспорского царства / Под ред. В.Ю. Зуева, В.А. Хршановского. СПб., 2014. С. 212 – 220.
- Винокуров Н. И.* Новые изображения всадников на Боспоре // Древности Боспора. 2002. №5. С. 70 – 85.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 624 с.
- Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии I – III вв. М.: Наука, 1977. 239 с.
- Давыдова Л. И.* Боспорские надгробия в средиземноморском контексте // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., 2018. Ч.1. С. 347 – 350.
- Данилов Е. С.* Кодирование и передача информации в римской армии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2009. №1. С. 140 – 145.
- Денисова В. И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сел. усадьбы). Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1981. 171 с.
- Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения // Советская археология. 1972. №4. С. 68 – 77.
- Диатроптов П. Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. – М.: Индрик, 2001. 160 с.
- Зубарев В. Г.* Склеп №10 из раскопок 2007 года на некрополе городища Белинское // Древности Боспора. 2019. №24. С. 274 – 286.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В., Смекалов С. Л.* Образы животных из коллекции находок на городище Белинское и некрополе городища Белинское // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 89 – 107.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В., Смекалов С. Л.* Природно-географические условия и военно-политические обстоятельства возведения в начале II в. н.э. крупной боспорской крепости у современного села Белинское в Восточном Крыму // Успехи современной науки и образования. 2016. №11. Т.8. С. 65 – 71.

- Иванова А. П. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИИМК. 1951. Вып. 39. С.27 – 33.
- Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракоты Северного Причерноморья / Под. ред. Б.А.Рыбакова. М.: Наука, 1970. С. 6 – 23.
- Кобылина М. М. Мастерские пантикапейских короoplastов // Терракотовые статуэтки. М.: Наука, 1974. Ч.III. С. 47 – 53.
- Ковалевская Л. А., Сарновски Т. О хозяйственном укладе одной из херсонесских усадеб в позднеримское время // ВДИ. 2002. №3. С. 85 – 92.
- Король Д. А. Мотив «всадника» и «встречающей богини» на погребальных камнях Скандинавии и Северного Причерноморья. // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во Донецкого национального института, 2005. Т.2. С. 341 – 344.
- Кругликова И. Т. Религиозные представления сельского населения Боспора // КСИА. 1970б. №124. С. 3 – 11.
- Кругликова И. Т. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970а. С. 100 – 110.
- Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 330 с.
- Кузьмина Ю. Н. Эллинские святилища Боспора в VI – I вв. до н.э.: по материалам раскопок сакральных комплексов азиатского Боспора: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.06. М., 2011. 374 с.
- Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 120 с.
- Масленников А. А. Население Боспорского царства в первых веках н.э. М.: Наука, 1990. 230 с.
- Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН, 1997. 108 с.
- Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наукова думка, 1983. С. 114 – 136.
- Носова Л. В. Еще раз о культе Великой Богини у местного населения Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 567 – 576.
- Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука; Главная редакция Восточной лит-ры, 1977. 216 с.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: Имп. археол. комис., 1913. 123 с.
- Ханутина З. В. Терракоты из погребально-поминальных комплексов Илуратского плато // Боспорский феномен. Население. Языки. Контакты / Под ред. М.Ю.Вахтиной. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 219 – 228.
- Шауб И. Ю. Смерть и возрождение: загробный мир боспорян. СПб.: Евразия, 2020. 128 с.
- Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи: (Италия и Западные провинции). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 320 с.
- Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Бутовский А. Ю. Греко-варварский Крым в период поздней Античности (III-IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула. Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. 544 с.
- Яценко С. А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995. №3. С. 188 – 194.

- Blawatsky W., Kochelenko G.* Le Culte de Mithra sur la côte septentrionale de la mer Noire. Leiden: Brill, 1966. 36 p.
- Broner O.* Hero Cults in the Corinthian Agora // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens.* 1942. V. 11. №2. P.128 – 161.
- Davidson G. R.* A Hellenistic Deposit at Corinth // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens.* 1942. V.11. №2. P. 105 – 127.
- Griechische Grabreliefs aus Südrussland, im Auftrage des k. deutschen Arch. Instituts herausgegeben von Gangolf von Kieseritzky und Carl Watzinger-Berlin: G. Reimer, 1909. 148 s.

REFERENCES

- Antipenko A. V. Snarjazhenie verhovnogo konja po materialam bosporskih nadgrobnih pamjatnikov // *Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Tradicii i innovacii / Pod. red. V.N.Zin'ko, E.A.Zin'ko. – Simferopol'; Kerch': NIC IAK KFU im. V.I. Vernadskogo, 2018. S. 18 – 23.*
- Bejlin D. V., Bejlina S. A. Obraz vsadnika v koroplastike Bospora vo II – III vv. n.je. // *Bosporskij fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. SPb.: Nestor-Istorija, 2009. S. 270 – 276.*
- Blavatskij V. D. O bosporskoj konnice // *KSIIMK. 1949. Vyp. XXIX. S. 96 – 99.*
- Blavatskij V. D. Pantikapej. Oчерki istorii stolicy Bospora. M.: Nauka, 1964. 232 s.
- Britova N. N. Obraz vsadnika na rel'efah Frakii i Bospora // *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah. 1948. № 22. S. 53 – 56.*
- Vinogradov Ju. A., Goroncharovskij V. A. Voennaja istorija i voennoe delo Bospora Kimmerijskogo (VI v. do n.je. – sredina III v. n.je.). SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istorija, 2009. 350 s.
- Vinokurov N. I. Zhivotnye v pogrebal'noj praktike naselenija gorodishha Artezian // *Pogrebal'naja kul'tura Bosporskogo carstva / Pod red. V.Ju. Zueva, V.A. Hrshanovskogo. SPb., 2014. S. 212 – 220.*
- Vinokurov N. I. Novye izobrazhenija vsadnikov na Bospore // *Drevnosti Bospora. 2002. №5. S. 70 – 85.*
- Gajdukevich V. F. Bosporskoe carstvo. M.; L.: Izd-vo i 1-ja tip. izd-va Akad. nauk SSSR, 1949. 624 s.
- Golubcova E. S. Ideologija i kul'tura sel'skogo naselenija Maloj Azii I – III vv. M.: Nauka, 1977. 239 s.
- Davydova L. I. Bosporskie nadgrobnija v sredizemnomorskom kontekste // *Bosporskij fenomen. Obshhee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. SPb., 2018. Ch.1. S. 347 – 350.*
- Danilov E. S. Kodirovanie i peredacha informacii v rimskoj armii // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo. 2009. №1. S. 140 – 145.*
- Denisova V. I. Koroplastika Bospora: (Po materialam Tiritaki, Mirmekija, Ilurata i sel. usad'by). – L.: Nauka: Leningr. otdelenie, 1981. 171 s.
- Desjatchikov Ju. M. Katafraktarij na nadgrobnii Afenija // *Sovetskaja arheologija. 1972. №4. S. 68 – 77.*
- Diatroptov P. D. Kul't geroev v antichnom Severnom Prichernomor'e. M.: Indrik, 2001. 160 s.

- Zubarev V. G. Sklep №10 iz raskopok 2007 goda na nekropole gorodishha «Belinskoe» // Drevnosti Bospora. 2019. №24. S. 274 – 286.
- Zubarev V. G., Jarcev S. V., Smekalov S. L. Obrazy zhivotnyh iz kollekcii nahodok na gorodishhe Belinskoe i nekropole gorodishha Belinskoe // Bosporskie issledovanija. 2021. Vyp. XLII. S. 89 – 107.
- Zubarev V. G., Jarcev S. V., Smekalov S. L. Prirodno-geograficheskie uslovija i voenno-politicheskie obstojatel'stva vozvedenija v nachale II v. n.je. krupnoj bosporskoj kreposti u sovremennogo sela Belinskoe v Vostochnom Krymu // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. №11. T.8. S. 65 – 71.
- Ivanova A. P. Kerchenskaja stela s izobrazheniem vsadnika i sidjashhej zhenshhiny // KSIIMK. 1951. Vyp. 39. S.27 – 33.
- Kobyлина M. M. Terrakotovyje statujetki Severnogo Prichernomor'ja // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ja / Pod. red. B.A.Rybakova. M.: Nauka, 1970. S. 6 – 23.
- Kobyлина M. M. Masterskie pantikapejskih koroplastov // Terrakotovyje statujetki. M.: Nauka, 1974. Ch.III. S. 47 – 53.
- Kovalevskaja L. A., Sarnovski T. O hozjajstvennom uklade odnoj iz hersonesskih usadeb v pozdnerimskoe vremja // VDI. – 2002. №3. S. 85 – 92.
- Korol' D. A. Motiv «vsadnika» i «vstrechajushhej bogini» na pogrebal'nyh kamnjah Skandinavii i Severnogo Prichernomor'ja. // Strukturno-semioticheskie issledovanija v arheologii. Doneck: Izd-vo Doneckogo nacional'nogo instituta, 2005. T.2. S. 341 – 344.
- Kruglikova I. T. Religioznye predstavlenija sel'skogo naselenija Bospora // KSIA. 1970b. №124. S. 3 – 11.
- Kruglikova I. T. Terrakoty iz sel'skih poselenij evropejskoj chasti Bosporskogo gosudarstva // Terrakoty Severnogo Prichernomor'ja. M.: Nauka, 1970a. S. 100 – 110.
- Krykin S. M. Frakijcy v antichnom Severnom Prichernomor'e. M.: Prometej, 1993. 330 s.
- Kuz'mina Ju. N. Jellinskie svjatilishha Bospora v VI – I vv. do n.je.: po materialam raskopok sakral'nyh kompleksov Aziatskogo Bospora: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06. M., 2011. 374 s.
- Litvinskij B. A. Kangjujsko-sarmatskij farn (k istoriko-kul'turnym svjazjam Juzhnoj Rossii i Srednej Azii). Dushanbe: Donish, 1968. 120 s.
- Maslennikov A. A. Naselenie Bosporskogo carstva v pervyh vekah n.je. M.: Nauka, 1990. 230 s.
- Maslennikov A. A. Semejnye sklepy sel'skogo naselenija pozdneantichnogo Bospora. M.: IA RAN, 1997. 108 s.
- Matkovskaja T. A. Osobennosti kompozicionnogo reshenija bosporskih nadgrobnyh rel'efov pervyh vekov n. je. // Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n. je. Kiev: Naukova dumka, 1983. S. 114 – 136.
- Nosova L. V. Eshhe raz o kul'te Velikoj Bogini u mestnogo naselenija Severnogo Prichernomor'ja // Bosporskij fenomen. Greki i varvary na Evrazijskom perekrestke. SPb.: Nestor-Istorija, 2013. S. 567 – 576.
- Raevskij D. S. Oчерki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstrukcii skifskoj mifologii. M.: Nauka; Glavnaja redakcija Vostochnoj lit-ry, 1977. 216 s.
- Rostovcev M. I. Antichnaja dekorativnaja zhivopis' na juge Rossii. SPb: Imp. Arheol. komis., 1913. 123 s.
- Hanutina Z. V. Terrakoty iz pogrebal'no-pominal'nyh kompleksov Iluratskogo plato // Bosporskij fenomen / Pod red. M.Ju.Vahtinoj. Naselenie. Jazyki. Kontakty. SPb.: Nestor-Istorija, 2011. S. 219 – 228.

- Shaub I. Ju. Smert' i vrozozhdenie: zagrobnyj mir bosporjan. SPb.: Evrazija, 2020. 128 s.
- Shtaerman E. M. Moral' i religija ugnetynyh klassov Rimskoj imperii: (Italija i Zapadnye provincii). M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 320 s.
- Jarcev S. V., Zubarev V. G., Butovskij A. Ju. Greko-varvarkij Krym v period pozdnej antichnosti (III-IV vv. n. je.: ot morskikh pohodov do bitvy pri Adrianopole). Tula: Izd-vo TGPU im. L.N.Tolstogo, 2015. 544 s.
- Jacenko S. A. O sarmato-alanskom sjuzhete rospisi v pantikapejskom «sklepe Anfesterija» // VDI. 1995. №3. S. 188 – 194.
- Blawatsky W., Kochelenko G. Le Culte de Mithra sur la côte septentrionale de la mer Noire. Leiden: Brill, 1966. 36 p.
- Broneer O. Hero Cults in the Corinthian Agora // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1942. V. 11. №2. R. 128 – 161.
- Davidson G. R. A Hellenistic Deposit at Corinth // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1942. V.11. №2. R. 105 – 127.
- Griechische Grabreliefs aus Südrussland, im Auftrage des k. deutschen Arch. Instituts herausgegeben von Gangolf von Kieseritzky und Carl Watzinger-Berlin: G. Reimer, 1909. 148 s.

Резюме

В I – III вв. н.э. в процессе взаимодействия боспорян с сарматскими племенами, а также освоения боспорской конницей сарматской тактики ведения боевых действий на территории Боспорского царства получает развитие культ всадника. Он проявляется по появлению захоронений лошадей на античных некрополях, изображений всадников на надгробных памятниках, а также по изготовлению соответствующих терракотовых статуэток. Однако не решенной проблемой до сих пор является наличие разнообразия в иконографическом облике такого всадника. На основании тщательного анализа всех источников авторы соглашаются, что на развитие данного культа в значительной степени повлияла возросшая роль кавалерии в среде боспорской аристократии, которая в это время составляла основу армии. Прослеживается здесь и влияние процесса героизации, когда умерших с целью обеспечения лучшей участи в потустороннем мире начинают почитать в качестве героев (потомков богов и смертных), тем самым обожествляя их. Однако, по мнению исследователей, на отдельные сюжеты иконографии надгробий воинов на Боспоре явно оказала влияние еще и статусная атрибутика погребенных, а именно их род войск и должность при жизни. Одним из доказательств такой гипотезы, по мнению авторов, служат надгробия с изображением конника в развеваемом плаще, с поднятой рукой, напоминающего образ фракийского всадника. Сопоставив указанный сюжет с находками из раскопок городища Белинское, исследователи пришли к выводу, что подобные плиты могли ставиться и использоваться для героизации представителей военно-полевой курьерской службы боспорской армии.

Ключевые слова: Боспорское царство, некрополь, религия, культ, всадник, воинская культура, героизация.

Summary

In the 1st–3rd centuries AD in the process of interaction between the Bosporans and the Sarmatian tribes and also in the process of the Bosporan cavalry mastering the Sarmatian tactics of warfare the Horseman cult was developed in the territory of the Bosporan kingdom. It is manifested by the appearance of horse burials in ancient necropolises, images of horsemen on tombstones and the manufacture of the corresponding terracotta statuettes. However, the diversity in the iconographic image of such a rider is still an unresolved issue. Based on a thorough analysis of all sources, the authors agree that the development of this cult was largely influenced by the increased role of cavalry among the Bosporan aristocracy, which at that time formed the basis of the army. The study also traces here the influence of the heroisation process, whereby the dead are revered as heroes (descendants of gods and mortals) in order to secure a better fate in the netherworld, thus deifying them. However, according to the researchers, some subjects of the iconography on the tombstones of the warriors in the Bosporus were clearly influenced also by the status attributes of the buried, namely their kind of troops and their position during their life. One of the proofs of this hypothesis, according to the authors, are tombstones with an image of a horseman in a waving cloak, with an arm raised, reminiscent of the image of a Thracian horseman. Comparing this plot with the finds from the excavations of the Belinsky settlement, the researchers have concluded that such plates could have been placed and used to glorify representatives of the Bosporan army's military field courier service.

Key words: Bosporan kingdom, necropolis, religion, cult, horseman, military culture, heroization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
доцент, профессор кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
s-yartsev@yandex.ru, +79157834326

Шушунова Елена Валерьевна,
начальник отдела информационного обеспечения
научных исследований, ассистент кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
schuschunova.elena@yandex.ru, +79190711870

Внуков Артем Андреевич,
документовед у/н лаборатории
«Палата древностей», ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
vnukovartemy@yandex.ru, +79101611894

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Yartsev,
Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor),
Associate Professor, Professor of the Chair
of History and Archeology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.
s-yartsev@yandex.ru, +79157834326

Elena V. Shushunova,
Head of the Information Support Department
for Scientific Research,
lecturer-assistant of the Chair of History and Archeology,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.
schuschunova.elena@yandex.ru, +79190711870

Artem A. Vnukov,
Documentologist,
Educational and Scientific Laboratory
«Chamber of Antiquities»,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.
vnukovartemy@yandex.ru, +79101611894